

Который ведал тайну братних мук
И, кстати, сведущ был насчет наук.
Да, поверял Аврелий лишь ему
Свои страданья, больше никому, -
Памфила молчаливей и скромнее,
Пылавшего к прекрасной Галатее.
Была снаружи грудь его цела,
Но в ней засела глубоко стрела,
А раны нет, как всем известно, хуже,
Чем та, что подлечил ты лишь снаружи,
Стрелы же смертоносной не извлек.
Брат плакал, но ничем помочь не мог.
И вдруг ему одно воспоминанье
Пришло на ум: то было в Орлеане,
Где он учился и всегда готов
Был, по примеру прочих школяров,
Увлечься всем, что странно, незнакомо,
Как, например, волшебных чар приемы.
Он вспомнил, что однажды там зашел
К товарищу и, посмотрев на стол,
Тотчас увидел, что на нем, раскрыт,
Учебник белой магии лежит:
(Товарищ книгу эту, зная, читал,
Хоть вообще он право изучал.)
В ней автор объяснял луны значенье,
К ней двадцати восьми жилищ влеченье,
И мало ли еще что было там,
Что кажется лишь болтовнёю нам:
Святая вера ограждает нас
От наважденья и обмана глаз.
Когда об этой книге вспомнил он,
В нем дух взыграл, надеждой окрылен,
И он подумал: «К брату исцеленье
Теперь придет, – не может быть сомненья,
Что с помощью таинственных наук
Возможно зренье одурачить вдруг,
Как делают волшебники. Слыхал
На праздниках нередко я, что в зал
Они обильно воду напускали,
И, как по озеру, в обширной зале
Скользили лодки тихо взад-вперед.
Иль вдруг казалось, грозный лев идет,
Иль расцветает благовонный сад,
Иль со стены свисает виноград,
Иль замок высится, как исполин, -
И вдруг все исчезает в миг один.
Так был искусен зрения обман.
Отправиться нам надо в Орлеан,
Где школяра, быть может, мы найдем,
Что с лунными жилищами знаком
И сведущ в магии. Он, безусловно,
Избавит брата от тоски любовной.
Уверен я, что может волшебство
Утесы эти, все до одного,
От зрения людского отвести